

Леон Монтан



Леон Монтан

Рыжая бестия

<https://litres.ru/74583937>

Аннотация

Андрей, успешный столичный бизнесмен, приезжает в глухую деревню ради отдыха от городской суеты. Он ожидает скуки, но встречает её — Оксану, рыжеволосую дочь местных полей, в чьих зелёных глазах пляшут солнечные зайчики и тлеет неукротимый огонь.

Их встреча — как вспышка молнии. Её естественность и страсть, не скованная городскими условностями, гипнотизируют Андрея. То, что начинается как мимолётное увлечение, стремительно превращается в наваждение. Оксана не просто входит в его жизнь — она врывается, сметая все барьеры, правила и запреты. Она становится его самой сладкой тайной и самой опасной зависимостью.

«Рыжая бестия» — это история о том, как одна встреча может перевернуть всю жизнь, заставив делового прагматика стать одержимым рабом безумной страсти.

НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ПОДПИСЫВАТЬСЯ НА МОЮ СТРАНИЦУ

Содержание

Глава 1. «Огонь-девка»	4
Глава 2. Уроки страсти	11
Глава 3. Лиса на охоте	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Глава 1. «Огонь-девка»

Оксана была не из тех, кто опускает глаза при встрече. В деревне её звали «девка-огонь», и не только за рыжую копну густых, вечно растрепанных волос, но и за характер. Она ходила по земле твердо, босыми ногами приминая траву, и смеялась так, что птицы взлетали с веток.

Андрей, приехавший в эту глушь из города «надышаться воздухом», попал в её сети в первый же вечер. Он сидел на берегу реки, глядя, как закатное солнце плавит воду, когда услышал всплеск.

Оксана выходила из воды, не стесняясь его взгляда. Мокрая ситцевая сорочка, которую она даже не подумала снять перед купанием, теперь стала второй кожей. Ткань липла к телу, очерчивая высокую, упругую грудь с отвердевшими от прохлады сосками, крутые бедра и темный треугольник внизу живота.

Она заметила его, отжала подол и, вместо того чтобы прикрыться, медленно пошла навстречу.

— Что, москвич, жарко? — усмехнулась она, остановившись в шаге от него. От неё пахло рекой, тиной и чем-то сладким, молочным.

Андрей сглотнул, не в силах отвести взгляд от того, как капли воды бегут по её загорелой шее, скатываясь в ложбинку между грудей.

— Жарко, — хрипло ответил он.

— Так давай остужу.

В её глазах плясали черти. Оксана шагнула вплотную, и он почувствовал жар, исходящий от её тела, который не могла скрыть даже мокрая одежда. Она бесцеремонно толкнула его в плечи, заставляя отступить к старой, покосившейся иве, чьи ветви свисали до самой земли, создавая зеленый шатер.

— У вас, городских, всё по правилам, — прошептала она, её губы были в миллиметре от его губ. — А у нас — как душа просит.

Оксана впилась в его рот поцелуем — жадным, требовательным, со вкусом речной воды. Её язык по-хозяйски проник внутрь, а руки, шершавые от работы, но горячие, скользнули под его футболку, царапая спину ногтями.

Андрей потерял голову. Он сжал её талию, притягивая к себе, чувствуя упругость её мокрого, сильного тела.

— Порви, — выдохнула она, когда его пальцы запутались в лямках мокрой сорочки. — Мешает.

Ткань затрещала. Оксана хищно улыбнулась, оставшись абсолютно нагой в лучах заходящего солнца. Её кожа была золотистой, с белыми полосками там, где обычно было белье, что делало её наготу еще более порочной.

Она не дала ему времени на созерцание. Ловким движением Оксана расстегнула его ремень, опустилась на колени прямо в траву, не боясь ни муравьев, ни колючек.

— Ну-ка... — промурлыкала она, глядя на него снизу

вверх с дерзким вызовом.

Её рот был горячим и влажным. Она действовала инстинктивно, без гламурных ужимок, с той природной страстью, которая бывает только у женщин, живущих в ритме с природой. Андрей запустил пальцы в её рыжие волосы, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

Но Оксане этого было мало. Она резко отстранилась, толкнула его на траву и оседлала сверху.

— Теперь я, — заявила она.

Она насадила на него одним плавным, мощным движением, запрокинув голову и издав горловой стон, от которого у Андрея по спине побежали мурашки. Внутри неё было тесно, горячо и влажно.

Оксана двигалась ритмично, дико. Её тяжелые груди прыгали в такт движениям, рыжие волосы хлестали по плечам. Она смотрела ему прямо в глаза, кусала губы, и в этом взгляде было столько первобытной энергии, что Андрей чувствовал себя не любовником, а добычей.

— Мой! — рычала она, сжимая его мышцами. — Говори, что мой!

Она царапала его грудь, наклонялась, чтобы укусить за шею, оставляя метки. Это был не секс — это была борьба, танец стихий. Запах примятой травы смешивался с запахом их пота и возбуждения.

Андрей подхватил её за бедра, задавая темп, вбиваясь в неё со всей силой, на которую был способен. Оксана вскрик-

нула, но не от боли, а от восторга. Она ускорялась, её ногти впивались в его плечи до крови.

— Давай! Еще! Сильнее! — кричала она, не боясь, что их услышат в деревне.

Финал накрыл их одновременно, как гроза в жаркий полдень. Оксана забилась в его руках, выкрикивая его имя, сжимаясь так сильно, что у него потемнело в глазах. Она рухнула ему на грудь, тяжело дыша, мокрая, растрепанная, пахнущая сексом и летом.

Несколько минут они лежали молча, слушая стрекот кузнечиков и восстанавливая дыхание. Потом Оксана приподнялась, слизнула каплю пота с его виска и, хитро прищурившись, сказала:

— А ты ничего, городской. Годишься. Приходи завтра на сеновал. Там мягче.

И рассмеявшись своим грудным, низким смехом, она встала, подхватила остатки сорочки и побежала к реке, сверкая белыми ягодицами в сумерках.

Домой Оксана шла не спеша, прямо по центральной улице, где пыль еще хранила тепло дневного солнца. Ситцевая сорочка, разорванная почти до пояса, болталась на ней лохмотьями. Она даже не пыталась стянуть края ткани, лишь лениво придерживала разрез рукой, через который при каждом шаге мелькало бедро, а то и темнеющий пах. Ей было всё равно. Тело гудело сладкой истомой, губы припухли, а

между ног еще чувствовалась влага прошедшей бури.

Возле дома тетки Вали, как водится, заседал местный «народный контроль». Три грузные фигуры — сама Валька, баба Нюра и соседка Людка — лузгали семечки, сплевывая шелуху в придорожную траву. Завидев Оксану, они замерли. Челюсти перестали работать, руки с семечками зависли в воздухе.

Тишина повисла такая, что слышно было, как где-то звякнула цепь у собаки.

Оксана подошла ближе, гордо вскинув подбородок. Рыжие волосы, спутавшиеся от травы и страсти, падали на лицо дикой гривой.

— Господи Иисусе... — первой опомнилась баба Нюра, крестясь мелким, суетливым крестом. — Ты глянь, Валька! Глянь на эту срамоту!

Тетка Валя, женщина с тяжелым взглядом и еще более тяжелым характером, поднялась с лавки, уперев руки в бока.

— Ты откуда такая красивая нарисовалась, Оксанка? — голос её был полон яда. — Собаки, что ль, драли? Или по кустам валялась, как кошка мартовская? Весь подол в лоскуты! Тьфу, бесстыдница! Перед людьми не совестно?

Людка поддакнула, скривив тонкие губы:

— Мать бы свою пожалела. По всей деревне слава пойдет, что дочь — подстилка для приезжих. Сиськи вывалила и идет, королева! Хоть бы прикрылась, срам-то какой!

Оксана остановилась напротив них. В её зеленых глазах не было ни капли раскаяния — только сытое, насмешливое торжество. Она нарочито медленно убрала руку, позволяя разорванной ткани распахнуться еще шире, обнажая загорелый живот и край груди с багровым засосом.

— А чего мне прикрываться, тетя Валь? — звонко, на всю улицу ответила Оксана, улыбаясь той самой улыбкой, от которой у мужиков сносило крышу. — У меня там всё красиво, молодо, сладко. Это вам впору паранджу носить, чтоб людей своими кислыми рожам не пугать.

Женщины ахнули, надуваясь от возмущения, но Оксану было уже не остановить.

— Что, завидно? — она шагнула к лавке, и бабы невольно отшатнулись от её жаркой энергетики. — Конечно, завидно. Тебя, тетя Валь, твой Колька последний раз когда так мямл, чтоб одежда трещала? На свадьбе, поди? А сейчас только храпит да перегаром дышит?

— Да как ты смеешь, сопля! — взвизгнула Валя, краснея пятнами.

— Смею, — перебила Оксана, сверкая глазами. — Потому что я живая. Меня мужик так любил сейчас, что я имя своё забыла. А вы сидите тут, семечки плюете да чужую радость ядом поливаете, потому что у самих между ног давно паутиной всё заросло. Сухостой, а не бабы!

Она расхохоталась, глядя на их вытянутые лица, и, крутанувшись на пятке, пошла дальше, виляя бедрами так, что

этот ритм гипнотизировал.

— Шлюха! — понеслось ей в спину. — Профурсетка! Всё матери расскажу!

Оксана даже не обернулась. Она лишь подняла руку и показала им средний палец, не сбавляя шага. Впереди была ночь, полная воспоминаний о горячих руках Андрея, и завтрашний день на сеновале. А лай старых собак каравану не помеха.

Глава 2. Уроки страсти

Дом встретил Оксану тишиной и запахом сушеных трав, развешанных под потолком в сенях. Она на цыпочках, стараясь не дышать, проскользнула мимо материнской спальни. Каждая половица в этом доме была ей знакома, как собственные пальцы: вот эта, у порога, предательски скрипит, эту нужно перешагнуть, а на ту наступать только с краю.

Она мышкой юркнула в свою каморку. Первым делом стянула с себя остатки разорванной сорочки и запихала их на самое дно старого сундука, под зимние свитера — потом сожжет или пустит на тряпки, главное, чтобы мать не нашла.

Упав на кровать, Оксана зарылась лицом в подушку, вдыхая запах лаванды, но чувствуя только запах мужчины. Кожа горела, между ног приятно ныло. Она провела ладонью по животу, улыбнулась в темноту, вспоминая безумные глаза Андрея, и провалилась в сон, густой и сладкий, как мед.

Утро ворвалось в комнату наглым солнечным лучом и звоном посуды с кухни.

— Оксанка! Вставай, дрыхнуть-то сколько можно? Солнце уж высоко!

Оксана потянулась, сладко хрустнув суставами. Тело напоминало о вчерашнем приятной ломотой. Она накинула легкий халатик и вышла на кухню. Мать, дородная женщина с натруженными руками, уже вовсю орудовала у печи, пере-

ворачивая шкварчащие оладыи.

— Явилась, полуночница, — буркнула мать, не оборачиваясь, но ставя перед дочерью тарелку со сметаной. — Опять вчера где-то до темна шлялась? Гляди мне, догуляешься. В подоле принесешь — я нянчить не буду.

Оксана лениво подцепила оладушек, макнула в сметану и отправила в рот, жмурясь от удовольствия.

— Не бойсь, мам. Я ученая.

— Ученая она... — мать тяжело вздохнула, присаживаясь напротив и подперев щеку рукой. — Годы-то идут, Оксан. Вон, Ленка соседская уже второго ждет. А ты всё хвостом крутишь. Вчера Петька с лесопилки заходил, спрашивал про тебя. Хороший парень, хозяйственный, дом свой строит...

Оксана фыркнула, чуть не поперхнувшись чаем.

— Петька? Этот тюфяк? Да у него опилки вместо мозгов, мам. И руки вечно в мазуте. Не нужен мне твой Петька.

— А кто тебе нужен?! — вспылила мать, хлопнув ладонью по столу. — Принц заморский? Или эти, городские, что приезжают, девкам головы морочат, а потом ищи-свищи? Тебе двадцать лет, пора уже мужика в дом, чтоб хозяин был! А то прослывешь вековухой, никто и не глянет!

Оксана отставила кружку. Взгляд её стал серьезным, но в уголках губ играла хитрая усмешка.

— Никто на меня не глянет? Ой, не смейся, ма. На меня глядят так, что шеи сворачивают.

Она встала, поправила халатик, подчеркнув талию.

— И замуж я, мамуль, пока не собираюсь. Ни за Петьку, ни за Ваську. Душно мне тут с ними. Они ж дальше своего огорода ничего не видят.

— И что ж ты делать будешь? В девках сидеть? — мать смотрела на неё с непониманием и страхом.

— Учиться поеду, — выпалила Оксана, словно давно это решила, хотя мысль оформилась только сейчас, под вкус оладий и воспоминания о городском любовнике.

— Куда?! — ахнула мать.

— В город. В техникум, или на курсы какие. На парикмахера выучусь, или на повара. Буду в красивом салоне работать, маникюр делать, в шелках ходить.

— Ой, дура... — простонала мать. — Какой город? Там же обманут, облапошат! Там люди — волки! Пропадешь ты там, Оксанка!

Оксана подошла к матери, обняла её за плечи и звонко чмокнула в макушку.

— Не пропаду, мам. Я сама кого хочешь облапошу. И волков твоих приручу.

Она подмигнула матери и выпорхнула из кухни.

— Пойду воды натаскаю, — крикнула она уже с порога. — А то вечером дела у меня. Важные!

Мать только головой покачала, глядя на закрывшуюся дверь. Она чувала, что девку уже не удержать, но даже не догадывалась, что главная «учеба» у Оксаны начнется сегодня вечером на сеновале, и преподаватель у неё будет самый что

ни на есть городской.

Вечер опустился на деревню душным, липким одеялом. Солнце, красное и огромное, запуталось в верхушках берез, когда Оксана, озираясь по сторонам, юркнула в приоткрытую дверь старого сарая.

Внутри пахло сухой полынью, пылью и мышами. Она ловко вскарабкалась по шаткой лестнице на сеновал. Здесь, под самой крышей, воздух был густым и горячим, настоящим на ароматах зверобоя и клевера. Сквозь щели в досках пробивались тонкие лучи закатного света, в которых танцевали золотые пылинки.

Оксана бросила на охапку сена старое покрывало, припасенное заранее. Она знала: сено колется, и нежной городской коже Андрея это может не понравиться. Сама-то она привычная, кожа у неё дубленая ветрами и солнцем, а он...

Она улыбнулась, вспоминая его руки — такие гладкие, непривычные к топору и вилам, но удивительно жадные до её тела.

Скрипнула дверь вниз.

— Оксан? — тихий голос Андрея эхом отлетел от балок.
— Ты здесь?

— А где ж мне быть? — отозвалась она сверху, свесившись с края настила. — Поднимайся, Ромео. Лестница не кусается.

Андрей поднялся, щурясь от полумрака. Он был в свет-

лой рубашке, расстегнутой на груди, и Оксана почувствовала, как внизу живота снова сладко потянуло.

— Ну, здравствуй, — она сидела на покрывале, подогнув под себя ноги. На ней был легкий ситцевый сарафан на тонких бретельках, под которым, как знал и Андрей, и вся округа, ничего не было.

Он подошел, опустился перед ней на колени, не сводя глаз с её лица.

— Я думал о тебе весь день, — признался он, протягивая руку и касаясь её колена. — Ты сумасшедшая.

— Я просто живая, Андрюша, — Оксана перехватила его руку и прижала ладонью к своей груди, туда, где гулко билось сердце. — Чувствуешь? Как птица в клетке. Выпусти её.

Андрей подался вперед и поцеловал её — сначала осторожно, пробуя на вкус, а потом, когда её губы раскрылись навстречу, — глубоко и страстно.

Оксана откинулась на спину, увлекая его за собой. Сено зашуршало, принимая их тела. Запах сухих трав ударил в нос, смешиваясь с запахом мужского одеколona — терпкого, дорогого, чужого для этих мест.

Его руки скользнули по её бедрам, задирая легкий подол сарафана.

— У тебя кожа горит, — прошептал он, целуя ямку на её шее.

— Так туши, — выдохнула она, выгибаясь навстречу его ласкам. — Чего ждешь?

Андрей не заставил себя упрашивать. Он был нетерпелив, как мальчишка, дорвавшийся до запретного плода. Одежда полетела в стороны.

Здесь, в полумраке сеновала, всё было иначе, чем у реки. Там была стихия воды и открытого неба, здесь — замкнутый, интимный мир, пропитанный зноем.

Когда он вошел в неё, Оксана вскрикнула, вцепившись пальцами в его плечи. Сено кололо спину даже через покрывало, но эта колкая боль только обостряла чувства. Каждое движение Андрея отзывалось в ней волной горячего удовольствия.

— Ты моя... — шептал он, двигаясь в ней, теряя ритм, срываясь на животную страсть. — Дикая... Невероятная...

Оксана не отвечала. Она кусала губы, запрокинув голову. Её рыжие волосы рассыпались по сему огненным веером. Она обхватила его ногами, прижимая к себе так сильно, словно хотела влить его в свое тело.

Она чувствовала себя хозяйкой положения. Этот городской парень, образованный, с деньгами, сейчас был полностью в её власти. Он стонал от её движений, он дрожал от её прикосновений.

— Смотри на меня! — потребовала она, открывая глаза, в которых плясали темные искры. — Запоминай, как это бывает!

Андрей ускорился, его дыхание стало рваным, тяжелым. Пот катился по его лицу, капая на её грудь. Оксана подхва-

тила этот ритм, двигаясь ему навстречу, чувствуя, как внутри нарастает тугой, горячий ком.

Развязка накрыла их одновременно. Андрей глухо застонал, уткнувшись лицом ей в шею, а Оксана выгнулась дугой, крикнув в душную тишину чердака, не сдерживая голоса. Её тело сотрясала сладкая дрожь, от которой кружилась голова.

Они долго лежали, переплетенные руками и ногами, слушая, как за стенами сарая стрекочут кузнечики и где-то далеко лает собака.

— Знаешь, — нарушила молчание Оксана, лениво перебирая пальцами его волосы. — Я решила.

— Что решила? — Андрей приподнялся на локте, глядя на неё с обожанием.

— Уеду я. В город. С тобой.

Андрей замер.

— Серьезно?

— А то, — она усмехнулась, проведя пальцем по его губам. — Думаешь, я тебя так просто отпущу? Ты мне показал, какая жизнь может быть сладкая. Теперь я хочу попробовать её всю.

Она потянулась, как сытая кошка, и в её глазах мелькнул тот самый огонек, который говорил: эта девка своего добьется. И не важно, где — на сеновале или в столице.

Андрей приподнялся на локте, глядя на неё с недоверием. В полумраке её лицо казалось бледным, но глаза горели тем

самым огнем, который мог согреть, а мог и сжечь дотла.

— В город? — переспросил он. — Оксан, ты серьезно? Это не в соседнее село на дискотеку съездить. Там всё по-другому. Шум, суета, люди злые...

Оксана фыркнула, садясь и стряхивая травинки с раскрасневшейся груди.

— А ты меня не пугай, москвич. Я не из пугливых. — Она наклонилась к нему, провела ногтем по его груди, спускаясь к еще не остывшему паху. — Или ты боишься, что я тебя там опозорю? Что друзья твои рафинированные скажут: «Кого ты привез, Андрюха? Деревенщину?»

Андрей перехватил её руку, поднес к губам.

— Нет. Я боюсь, что ты там заскучаешь. Или... что тебя уведут.

Оксана рассмеялась — тихо, так, что у него снова перехватило дыхание.

— А вот это правильно, бойся. Такую, как я, держать надо крепко. Двумя руками. — Она вырвала руку и начала одеваться. Легкий сарафан скользнул по телу, скрывая соблазнительные изгибы, но Андрей уже выучил их наизусть. — Но если ты меня с собой возьмешь, я тебе такой рай устрою, какого ни одна городская фифа не покажет. Я ж, Андрюша, всему научусь. Я способная.

Она встала, поправила бретельку и посмотрела на него сверху вниз. В луче лунного света, пробивающегося сквозь щели крыши, она выглядела как лесная ведьма — красивая,

опасная и манящая.

— Когда ты уезжаешь? — деловито спросила она.

— В воскресенье. Послезавтра.

— Вот и отлично. — Оксана пнула его босой ногой в бедро. — В воскресенье утром буду у твоей машины с чемоданом. И не вздумай сбежать, найду — хуже будет.

Андрей тоже начал одеваться, чувствуя странную смесь тревоги и азарта. Эта девчонка брала его в оборот так стремительно, что он не успевал опомниться. Но, глядя на её точеный силуэт на фоне пыльных балок, он понимал: он и сам не хочет уезжать без неё. Без этого запаха полыни, без её дикой энергии.

Они спустились с сеновала в прохладную ночную тишину. Деревня спала. Только сверчки неумоимо пилили свои скрипки.

У калитки, за которой начиналась тропинка к дому Оксаны, они остановились. Андрей хотел было обнять её на прощание, сказать что-то нежное, но Оксана опередила его.

Она резко притянула его к себе за ворот рубашки, вжалась всем телом, так что он почувствовал твердость её сосков через тонкую ткань сарафана, и поцеловала — жарко, властно, с языком. Это был поцелуй-печать, поцелуй-обещание.

— Всё, иди, — она оттолкнула его, тяжело дыша. — Мне выпаться надо. Завтра вещи собирать.

Андрей стоял оглушенный, глядя, как она уходит в темноту, легко ступая босыми ногами по пыльной дороге.

Оксана шла домой и улыбалась. В голове уже крутились планы: какие платья она купит, как уложит свои непослушные волосы, как будет идти по широким проспектам, стуча каблуками, и как все эти городские мужики будут сворачивать на неё шеи.

Она знала: Андрей — это только билет. Счастливый билет в новую жизнь. А уж как им распорядиться, она решит сама. Деревня для неё кончилась. Началась большая охота.

Глава 3. Лиса на охоте

Суббота пролетела в лихорадочных сборах. Оксана перетряхивала

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.